

A close-up photograph of a person's hand and fingers. The skin is covered in intricate body paint, featuring a mix of metallic gold and dark, almost black, pigments. The paint is applied in thick, textured strokes, with some areas appearing more like a metallic foil and others more like a matte or slightly cracked finish. The lighting is dramatic, highlighting the textures and colors of the paint against the skin.

КРАСКА НА КОЖЕ

Хелко

18+

Хелко

Краска на коже

«Автор»

2026

Хелко

Краска на коже / Хелко — «Автор», 2026

«Жизнь живёт сама себя» — эту фразу Эва Джой выводит чёрной краской на своей центральной картине. Художница, чьи работы обнажают тела, но прячут лица, не ищет славы — она просто наблюдает за тем, как разворачивается мир. Её философия проста: мы не управляем своей жизнью, мы лишь осознаём её течение. Лиссабонский дипломат Дэйн Грин думает, что контролирует всё — карьеру, брак, будущее. Но встреча с Эвой разрушает его иллюзии. Её спокойная уверенность, её вопросы, на которые у него нет ответов, её тело, становящееся холстом, — всё это затягивает его в водоворот, где прежние установки больше не работают. Но Эва не ищет любовника и не нуждается в спасителе. Она просто живёт — легко, свободно, без привязанностей. И Дэйну предстоит понять: можно ли удержать ту, кто не хочет принадлежать никому? Роман о столкновении двух миров — привычного порядка и абсолютной свободы. О краске на коже, которая не смывается. И о том, что жизнь действительно непредсказуема.

© Хелко, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Выставка	5
Глава 2. Цена	7
Глава 3. «Поцелуй»	9
Глава 4. Лиссабон	12
Глава 5. Благотворительный вечер	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Хелко

Краска на коже

Глава 1. Выставка

Вена, влажный октябрьский холод. За окном мокрые листья прилипли к булыжникам, с карниза ритмично капала вода и разбивалась об асфальт. Где-то внизу хлопнула дверь и впустила гул трамвая в подъезд. В особняке пахло старым деревом и воском — тем особенным запахом, который бывает только в галереях, где за десятилетия стены впитали десятки выставок, шампанское и тишину. Первая персональная выставка. Самая важная ночь в её карьере.

Галерея наполнялась медленно, как бокал, в который льют вино. Голоса смешивались, смех вспыхивал и гас. Свет струился мягко, золотисто — с таким расчётом, чтобы тени скрадывали шероховатости, а фактура холстов дышала. Эва стояла в стороне, у высокой колонны и наблюдала. Она любила этот момент — когда зал ещё не знает, что ему покажут, а картины уже готовы к диалогу. Девушка знала, что её работы не оставляют равнодушными. Крупные планы тел — без лиц, без имён, без контекста. Одна спина, изгиб бёдер, мужской торс, женская грудь — всё, что остаётся, когда убрать личность. И поверх абстрактных фонов — фразы, выведенные каллиграфическим почерком. Слова, которые заставляли остановиться и задуматься.

В центре зала висела главная картина. Тёплый, размытый фон — охра, терракотовый, золото — и поверх чёрным, чётко: «Жизнь живёт сама себя».

Эва знала, что эта картина заставит людей спорить. Она на это и рассчитывала.

Дверь открылась. Она обернулась. Группа мужчин в дорогих пальто ввалилась в зал — громко, с рукопожатиями, смехом, будто они зашли в свой кабинет. Эва заметила его сразу. Он стоял чуть поодаль, как будто случайно оказался в этой компании. Высокий. Тёмные волосы, тронутые сединой у висков. Светлые глаза скользнули по залу — и ничего не зацепили.

Он двинулся вглубь галереи. Остановился. Она видела, как он читает фразу, как что-то в нём меняется. Коллеги ушли дальше, смеясь и обсуждая кого-то. Он остался — один, у центральной стены, на фоне тёплого света. И на его лице она прочитала скептицизм. Взяла бокал с водой, сделала глоток и только тогда медленно двинулась к нему. Её шаги были лёгкими, неторопливыми. Она встала рядом, тоже глядя на картину и спросила:

— Что думаете?

Он повернул голову. На секунду его взгляд задержался на её лице, потом вернулся к холсту. Он усмехнулся коротко, без тепла.

— Честно? Звучит бредово. Человек управляет своей жизнью. И если что-то идёт не так — значит просто недостаточно старался.

Она повернулась к нему, слегка наклонив голову:

— Разве?

Её голос был мягким. Она сделала шаг, обходя его по кругу. Цок — удар каблука словно вбил первый вопрос в черепную коробку.

— Тогда почему вы болеете?

Цок.

— Почему планы срываются?

Цок.

— Почему вас могут уволить?

Она остановилась напротив него, лицом к лицу. Ухмыльнулась — открыто, дерзко, без тени смущения.

— Или вам изменяют? Или вы?

Скептицизм исчез с его лица. Он задумался — не смутился, не растерялся, но что-то внутри него дрогнуло. Это всегда видно в глазах человека, у которого происходит переосмысление.

Незнакомка не ждала ответа. Её кто-то окликнул из другого конца зала, она просто развернулась и ушла.

Он остался стоять перед картиной один, затем повернулся на удаляющуюся фигуру.

Знакомое ощущение чужого взгляда, который задерживается дольше, чем нужно. Эва не оборачивалась — просто шла, чувствуя, как он смотрит ей в спину. Она привыкла к этому. Сначала — взгляд. Потом — пауза. Потом — шаг в её сторону. Так было всегда. Она знала эту последовательность. Это не вызывало ни радости, ни гордости. Это просто было частью её жизни.

«Ещё один, — пронеслось в голове, без эмоций.»

Эва не ускорила шаг, продолжала свой путь — прямая, спокойная, уверенная.

Вечером Дэйн сидел с коллегами в ресторане, смотрел в тарелку и почти не слышал их. Они говорили о переговорах, статусе, политической игре. Он кивал в нужные моменты, улыбался в нужные паузы — но внутри него продолжал звучать её голос:

«Почему вы болеете? Почему планы срываются?»

Он знал ответы — логичные, правильные. Но она задала их так, что они застряли под кожей. Её образ не выходил из головы: как она двигалась, стояла напротив, глядя прямо в глаза. Это не было кокетством. Это была уверенность человека, который знал, что его слова осядут глубоко.

Коллеги смеялись. Дэйн поднял бокал. Но в голове звучал только один голос.

Глава 2. Цена

Будильник не успел зазвенеть — Дэйн открыл глаза за минуту до. За окнами висело серое, ещё не проснувшееся утро. Стекло запотело от ночного тумана и сквозь влажную пелену едва угадывались силуэты деревьев и редкие огни в домах напротив. Город замер, притаился, будто набирал воздух перед долгим днём. В номере пахло сухим бельём и его одеколоном — запах остался с вечера, вьелся в подушку.

Несколько мгновений он лежал неподвижно, глядя в белый потолок, потом сел и провёл ладонью по лицу. Стук её каблучков всё ещё звучал в голове — настойчивый, ровный, как метроном.

В душе он включил прохладную воду, чтобы сбить утреннее напряжение и прогнать остатки сна. Парфюм, чисто выбритое лицо, взгляд в зеркало — под глазами залегли тени. Он знал: они не от бессонницы, а от мыслей, которые не давали покоя.

Открыв шкаф, Дэйн выбрал светло-серую рубашку и тёмно-синий костюм без галстука — строгий, но нарочито свободный крой, который выдавал в нем человека, привыкшего к дипломатическим протоколам, а не к офисной муштре. Часы легли на запястье привычно, ботинки блеснули даже в утреннем свете. Телефон молчал: ни писем, ни пропущенных. Тишина.

Утренняя Вена окутала его отрезвляющим холодом, когда он вышел из отеля. В девять — встреча с коллегами из австрийского министерства.

Совещание проходило в старом здании на Рингштрассе. Высокие потолки, лепнина, запах старой бумаги и дорогого табака. За столом — мужчины в безупречных костюмах, их голоса звучали ровно и уверенно, обсуждая экономику и сотрудничество. Дэйн слушал доклады, выдвигал предложения, уточнял цифры. Но фоном, как навязчивый шум, звучали её вопросы.

Коллега справа заметил его отсутствующий взгляд, спросил, всё ли в порядке. Дэйн улыбнулся — дипломатично, ровно — и ответил, что просто рано встал. Разговор продолжился.

К концу встречи он уже знал: он вернётся в галерею. Ему нужно было понять, почему её слова застряли под кожей, как заноза, которую не вытащить.

В галерею Дэйн приехал в начале шестого. Вечер только вступал в свои права — свет в залах был мягким, отдельные лампы всё ещё подсвечивали картины. Посетителей почти не осталось. Он прошёл по периметру, ни на что не глядя и остановился перед той картиной, с которой всё началось.

«Жизнь живёт сама себя».

Теперь эти буквы не казались бредом. Скорее — вопросом, на который у него не было ответа.

— Я знала, что вы вернётесь.

Голос раздался со стороны входа. Он обернулся.

Она стояла в конце зала, прислонившись плечом к дверному проёму и выглядела иначе, чем вчера. На ней была юбка-карандаш ниже колена, цвета пыльного шалфея и чёрная кофта-сеточка, сквозь которую виднелся кружевной бюстгальтер. Волосы собраны наверх небрежным пучком, открывая линию шеи, на ногах — туфли-лодочки на тонкой шпильке. Она выглядела одновременно строже и опасней, чем накануне.

— Вы задали вопросы, на которые у меня до сих пор нет ответов. Я не могу от них отделаться.

Она улыбнулась — спокойно, без вчерашней дерзости.

— Тогда, может быть, я покажу вам ещё несколько работ? Иногда ответы приходят не через слова.

Она провела его по залу. Остановилась у картины с обнажённой спиной — крупным планом, свет падал на позвонки, изгиб, тени. Без лица, без имени, только тело и воздух вокруг него.

— Люди боятся не смерти, — сказала она негромко. — А того, что их никто не запомнит. Он молчал.

— Я сама когда-то думала так же. Боялась, что ничего после себя не оставлю. Но сейчас это уже не имеет значения.

Она повела его дальше — к стене, где висела маленькая картина. Камерный формат, будто написанный не для зрителей, а для себя.

— А эту я не продаю, — сказала она, и Дэйн заметил, как изменился её взгляд. Стал мягче, без вызова. Плечи чуть расслабились. Она просто стояла и смотрела на свою работу, как на что-то очень личное.

Он не спросил ни о чём. Просто запомнил этот момент. Потому что в нём она была другой — не той женщиной, что обходила его по кругу и ухмылялась. Просто человеком, который смотрит на то, что создал.

Эва снова повернулась к нему — улыбнулась искренне, без тени игры.

— Пойдёмте, я покажу вам ещё одну работу.

Он остановил её, достал визитку:

— Если у вас будет время, я бы хотел продолжить этот разговор. Не здесь.

Она не спешила брать карточку — смерила его взглядом поверх неё и в голосе мелькнула лёгкая усмешка:

— Знаете, сколько у меня таких визиток? Почему мне должно быть интересно общение с вами?

Дэйн опустил руку, помолчал. Потом указал на одну из картин у стены:

— Сколько стоит вот эта?

— Две сто. Оплата по QR-коду.

Он кивнул, достал телефон и открыл приложение банка:

— Я беру её. Этого достаточно, чтобы вы согласились на встречу?

Посмотрев на него — Эва оценила и медленно ответила:

— Вполне.

Визитка легла на её ладонь и он, развернувшись, пошёл к выходу. Оставшись стоять у картины, она тихо сказала в пустоту:

— Занятно.

Глава 3. «Поцелуй»

Дэйн увидел её ещё до того, как она заметила его.

Девушка стояла у входа в Верхний Бельведер, чуть в стороне от касс и смотрела на фасад. Утреннее солнце уже золотило балюстрады и мрамор отражал тёплый, мягкий свет. Воздух был прозрачным, с лёгкой осенней прохладой. Она выглядела так, будто просто ждала друга, а не мужчину, который купил её картину, чтобы получить право на встречу. Все её движения показывали, что она уверена в себе и как будто бы вообще не имеет ограничений.

У Эвы в руках был маленький чёрный рюкзачок, на ногах такого же цвета ботинки, свитер крупной вязки и небесно голубая шелковая юбка миди. Яркий, смелый контраст. Волосы заплетены мальвинкой и слегка развивались вместе с юбкой на ветру. Ткань мягко облегла бёдра.

Заметив его, она махнула рукой и улыбнулась.

Он подошёл. В тёмно-синем свитере — кашемировом, мягком, с V-образным вырезом. Светлая футболка выглядывала из-под ворота, брюки — неформальные, тёмные. Без пиджака, без галстука. Он знал: сегодня он не дипломат. И хотел, чтобы она это видела.

— Здравствуйте.

— Привет, — ответила она.

Тут же развернулась и пошла ко входу, бросив через плечо:

— Идёмте. Я покажу вам здесь всё.

Они вошли в Верхний Бельведер. В парадном вестибюле было тихо — здесь, в отличие от улицы, воздух был сухим и неподвижным. Шаги Эвы отдавались лёгким эхом, когда она поднималась по лестнице, касаясь пальцами гладких перил. Дэйн шёл за ней, смотрел на её руку, скользящую по камню и в этом жесте было что-то, почти ритуальное. Она чувствовала, как он наблюдал за ней.

— Дворец построили в начале восемнадцатого века для принца Евгения Савойского, — начала она, как профессиональный гид. — Архитектор — Иоганн Лукас фон Хильдебрандт. Его называли «австрийским Марсом», потому что он был великим полководцем. Никогда не был женат, кстати. Говорят, когда его допекали вопросами о браке, он указывал на сфинксов в парке и говорил, что каждый из них похож на девушку, которая ему отказала. То есть вместо жены у него была коллекция отказов, — усмехнулась она. — Думаю, он просто не хотел ни с кем делить свою свободу.

Остановившись у окна, она взглянула на парк внизу.

— Он умер здесь, в Нижнем Бельведере. В 1736 году. Один. В окружении книг и тишины. Дэйн стоял рядом и слушал. Её голос убаюкивал как мурлыканье кошки.

— А после его смерти всё пошло прахом, — продолжила она, двигаясь дальше. — Племянница унаследовала состояние, вышла замуж за игрока, спустила всё, что можно и вернулась в монастырь. А потом императорская семья выкупила дворец. И здесь, кстати, провёл последнюю ночь перед Сараевом Франц Фердинанд. Отсюда он уехал на военные учения и больше не вернулся.

Эва прошла в следующий зал. Дэйн шёл за ней, молча. Ему не нужно было говорить. Её голос, походка, жесты — всё завораживало.

Они остановились перед «Поцелуем» Климта. Картина висела в центре зала, свет падал на неё так, что золото вспыхивало, как будто внутри холста горел свой собственный огонь. Двое на ней слились в объятии — не как люди, как стихия. Тишина в этом зале была особенной: её нарушало только дыхание редких посетителей и собственный пульс.

— Эту картину Климт написал в 1908 году, — произнесла она негромко. — Первоначальное название — «Влюблённые». Он использовал сусальное золото, серебро, платину — и это стало его самым известным произведением. Её купили прямо на выставке, ещё до того, как он закончил. За двадцать пять тысяч крон. По тем временам — огромная сумма.

Она немного помолчала.

— Говорят, на картине он изобразил себя и свою возлюбленную, Эмилию Флэге. У них были сложные отношения. Она была его музой, но они так и не стали по-настоящему парой. Эмилия порвала с ним, потому что он не мог быть только с ней. А потом они всю жизнь оставались друзьями. Все его письма после его смерти, она сожгла.

Для Дэйна сейчас она была картиной, которую хотелось рассматривать как можно дольше.

Она не пыталась ни привлечь его, ни оттолкнуть. Просто знала, что он наблюдает. И это было частью жизни, как звёзды, птицы и смена времён года.

«Думает, что я необычная, — прошло в голове. — Ничего нового».

Его вопрос вырвал её из собственных мыслей.

— Вы думаете, он жалел?

Она улыбнулась краешком губ.

— Я думаю, он знал, что настоящая страсть всегда требует смелости. И иногда — готовности не получить то, что хочешь.

Эва развернулась, пошла дальше, а он за ней, как шарик на верёвочке. За спиной осталась картина — золотая, сияющая, застывшая в своём поцелуе.

— Пойдёмте, я покажу вам ещё сад.

Вечером они сидели в небольшом ресторане на окраине Вены — в стороне от туристических улиц, где за окнами была тишина и редкие прохожие. Деревянные столы, свечи в толстостенных стаканах, запах вина и жареного мяса. Не яркий свет создавал уют, как будто они сидели не в ресторане, а в чужой гостиной. Она смотрела на него поверх бокала с белым вином и улыбалась — той самой улыбкой, которую он уже начал узнавать: спокойной и чуть насмешливой.

— Вы сказали, что «жизнь живёт сама себя». Я до сих пор не понимаю: если я не управляю, тогда кто?

Поставив бокал, Эва откинула волосы назад.

— Всё просто. Никто.

Дэйн молчал. Внутри него что-то цеплялось за её слова.

— То есть я ни за что не отвечаю?

— Посмотрите сами. Вы готовились к экзамену, но не сдали. Вы строили планы, но они рухнули. Это — чистое смотрение. Вы не знаете, что скажете в следующую секунду. Неизвестно, какая мысль придёт. Тело может болеть, стареть, терять — и никакой контроль не спасёт. Это просто иллюзия, что вы всем управляете.

Её тон — ровный, без назидания, без желания убедить. Она просто говорила то, что знала. Это было сильнее любого аргумента и не казалось бредом.

В этот момент на столе завибрировал телефон. На экране высветилось: «Малышка». Номер жены. Эва тоже успела прочитать — встретила его взгляд и хитро хмыкнула.

— Если вы управляете своей жизнью, — сказала она, — вы могли просчитать, что встретите меня? И будете сейчас сидеть со мной, когда звонит ваша малышка?

Молчание.

— За что вы вообще отвечаете по-вашему? — спросила Эва и в голосе не было упрёка.

— Извините, я должен ответить, — сказал он, поднимаясь.

Дэйн отошёл к окну, поднёс телефон к уху. Слышно было, как он говорит с женой. Спокойно, по-домашнему, улыбнулся в трубку, засмеялся чему-то. Закончил разговор, убрал телефон. Вернувшись за стол, обнаружил уже пустующее кресло напротив.

Её сумочки не было, бокал стоял, почти полный. На скатерти осталась только салфетка, на которой она оставила след от помады.

Ушла. Не попрощавшись.

Глава 4. Лиссабон

В Лиссабоне было ясно. Ветер с океана задувал в открытое окно такси, смешивая запах йода с выхлопами и жареным миндалём с уличного лотка. Город звенел — голоса, музыка из открытых дверей кафе, рёв моторов. Закатное солнце красило фасады в тёплый оранжевый и тени от пальм ложились на мостовую длинными, покачивающимися линиями.

Дом был заполнен светом из гостиной и звуком телевизора, работающего фоном. На кухне горела основная лампа и оттуда тянуло приготовленной едой. Кошка лениво прошла по паркету, зевнула и ткнулась носом в лодыжку Дэйна когда он разулся. Кэтрин стояла у стойки, резала хлеб уверенными, привычными движениями и в этом жесте было столько будничного спокойствия, что он на мгновение замер в дверях.

Жена обернулась и увидев его, расплылась в улыбке.

— Ты рано.

— Рейс был удачным, — ответил он, снимая лёгкую куртку.

Подожёл к ней, поцеловал в макушку и обнял за талию.

Вечер прошёл спокойно. Дэйн рассказывал о поездке — о переговорах, о людях, о том, как выглядит Вена осенью, не упоминая Эву. Не потому что скрывал — просто это не вписывалось в рассказ. Когда он говорил о галерее, он сказал просто:

— Зашёл на выставку. Купил картину.

Кэтрин подняла бровь:

— Ты?

— Да, я. Что-то зацепило.

Она не стала спрашивать, что именно. Просто ждала, когда картину привезут. На следующий день, когда холст распаковали и поставили у стены, Кэтрин подошла ближе, провела пальцем по краю. Дэйн стоял рядом и теперь смотрел на неё иначе — не как на картину в галерее, а как на часть своего дома.

И в этот момент он заметил, маленькую открытку, где кто-то небрежно написал маркером от руки: «Всё само».

Эти два слова обожгли его. В памяти вспыхнул разговор в ресторане, взгляд перед тем, как она ушла. Он смотрел на эту фразу и внутри снова зазвучал её голос.

Кэтрин заметила, что он застыл. Перевела взгляд с картины на него, потом снова на картину. Она не спрашивала, что это за слова, но что-то едва уловимое промелькнуло.

— Ты никогда не покупал картин, — задумчиво сказала Кэтрин.

Затем спросила про художника, про технику — коротко, с профессиональным интересом. Дэйн ответил так же коротко.

Она повернулась к нему и улыбаясь обняла:

— Как ты без нас, скучал?

— Очень, — ответил он, зарываясь в её волосы носом.

Капли пота падали на упругую грудь Кэтрин, оставляя влажные дорожки на бледной коже. Она вцепилась пальцами в ягодицы мужа, томно постанывая, когда он двигался внутри неё глубоко, размеренно. Дэйн целовал её в весок, в губы, тяжело дышал в ухо. Как же приятно было чувствовать её — знакомую, тёплую, родную.

Его рука скользнула между их телами и нашла нужную точку. Дыхание Кэтрин сбилось, напряжение скрутило её в тугую пружину, а потом тело расслабилось, обмякло. Она выдохнула его имя — почти беззвучно.

Дэйн задержался в ней на мгновение, потом перевернулся на спину, глядя в потолок. Через минуту повернул голову и довольно поприветствовал:

— Доброе утро, милая.

В ответ она улыбнулась:

— Ага. Ты иди в душ, а мне нужно ещё полежать. Сам понимаешь.

Глава 5. Благотворительный вечер

Прошло два месяца. Октябрь сменился декабрём. Вена готовилась к Рождеству, но в этот вечер город сиял не ёлочными огнями, а светом старых люстр в особняке на окраине.

Благотворительный вечер. Белые скатерти, шампанское, музыка. Кэтрин взяла Дэйна под руку, когда они вошли в зал. Она была в серебристом платье в пол, с идеальной укладкой и спокойной улыбкой. На её запястье — тонкий браслет с синими сапфирами. Она знала, как нужно выглядеть на таких мероприятиях.

Дэйн оглядывал зал. Ему не хотелось быть здесь. Но взгляд сам выхватил её из толпы — и всё остальное исчезло.

Эва пришла в бордовом платье-ципао из шёлка — высокий ворот-стойка, диагональная застёжка с пуговками узелками, тонкий разрез по ноге. Ткань струилась при ходьбе, мягко облегла фигуру. Журавли, вышитые тон-в-тон, почти неразличимые издали, проступали на рукаве и вдоль бокового шва — как каллиграфический мазок. Волосы собраны наверх, удерживаемые изящными палочками. Жемчужные серьги-гвоздики, тонкое кольцо с жемчугом, бордовый клатч с золотым фермуаром, в руке. На глазах — едва заметные стрелки и длинные подкрашенные ресницы.

Она выделялась. Не потому что была красивее других — в этом зале хватало красивых женщин. А потому что её образ был продуман до мелочей, но при этом выглядел так, будто она просто надела то, что любит. Без попытки вписаться. Без желания понравиться. Просто — быть собой. И этот контраст с общим фоном делал её заметной даже на расстоянии.

Эва знала это. Когда она собиралась на этот вечер, выбирала платье, когда вдевала в уши жемчужные серьги. Она знала, что на неё будут смотреть. И ей было всё равно. Она не выбирала этот наряд, чтобы кого-то впечатлить — она надела его потому, что он был её. Самоидентичность, а не маска.

Словно тонко выполненная статуэтка она стояла под руку с мужчиной. Высокий, уверенный, с открытой белоснежной улыбкой. Он что-то говорил ей на ухо, она кивала. Без игривости. Просто спокойная уверенность.

Дэйн смотрел на неё и не мог отвести глаз.

Она тоже заметила его, но чуть раньше, как только он прибыл. Её взгляд скользнул по нему без остановки, без узнавания. Как по незнакомцу, случайно попавшему в кадр.

Не обращая на него внимания, Эва продолжала разговор со спутником и гостями.

Так вышло, что они оказались спиной к спине.

Она что-то говорила Шону, тот слушал. Дэйн стоял в двух шагах, беседуя с коллегой. Голоса сливались в общий шум.

Официант с подносом шампанского приблизился:

— Не хотите ли шампанского?

Они потянулись к одному бокалу. Их пальцы встретились на ножке. По руке пробежал холодок.

Пауза. Они обернулись.

Её глаза — спокойные, чуть прищуренные. Ни удивления, ни волнения. Просто узнавание.

— Привет, — сказала она.

— Привет, — ответил он.

Кэтрин подошла к нему, взяла под руку, перевела взгляд с мужа на неё.

— Дэйн, не представишь нас?

Он собрался и произнёс:

— Прости. Это та художница, у которой я купил картину. Эва Джой.

Кэтрин протянула руку:

— Очень приятно. Кэтрин Грин. Картина прекрасна.

Эва приняла руку, улыбнулась ровно, но не больше, чем требовал этикет:

— Благодарю. Приятно знать, что работа нашла свой дом.

Повернулась к Дэйну, всё с той же лёгкой улыбкой без вызова:

— Рада снова вас видеть.

Она кивнула Кэтрин и жестом подозвала Шона:

— Познакомьтесь, это Шон О'Коннор.

Шон пожал руку Дэйну:

— Дэйн, как я понял. Эва рассказывала о вас. Говорила, вы купили одну из её работ.

Хороший выбор.

Дэйн кивнул и представил Кэтрин.

— Моя жена — Кэтрин. Она работает в PR. Я консул.

Шон улыбнулся Кэтрин:

— Значит, вы знаете цену правильной подачи, — сказал с лёгкой усмешкой.

— Несомненно, — ответила Кэтрин.

Она перевела взгляд с Шона на Эву:

— Вы отлично смотрите. Вы пара?

Шон засмеялся и посмотрел на Эву:

— Я делаю всё для того, чтобы это так и было.

Дэйн достал визитку и протянул Шону:

— Если будете в Лиссабоне — звоните. Встретимся.

Шон взял карточку, бегло взглянул и убрал в карман:

— Обязательно.

Они обменялись коротким кивком.

Внутри у Дэйна что-то кольнуло. Он не знал, было ли это неловкостью, ревностью или просто болезненным воспоминанием о её исчезновении за столиком в ресторане. Он держал лицо.

— Надеюсь, у вас всё получится, — сказал он ровно.

Эва улыбнулась — не ему, а чему-то внутри себя. И отвела взгляд.

Кэтрин мягко коснулась руки мужа:

— Пойдём, нас ждут.

Вечер тянулся. Музыка играла, тосты сменяли друг друга, счёт в фонде рос. Кто-то подходил к микрофону, кто-то фотографировался — иные уже устало рассматривали часы. Дэйн старался не смотреть в её сторону, но краем глаза видел, как она двигается по залу — лёгкая, свободная, недостижимая.

Наконец программа завершилась и гости потянулись к выходу. На улице фонари отбрасывали на ступени жёлтые круги света. Где-то вдалеке птица перелетела с дерева на дерево. Слышался редкий смех прохожих.

Дэйн и Кэтрин вышли одновременно с Эвой и Шоном. Они стояли в небольшой компании — прощания, улыбки, дежурное «созвонимся».

В этот момент зазвонил телефон Кэтрин. Она подняла трубку. Слушала недолго. Её лицо изменилось — мгновенно побледнело, рука дрогнула, ноги подкосились.

Дэйн подхватил её под локоть:

— Кэт, что?

Она смотрела перед собой остановившимся взглядом, затем перевела его на мужа:

— У мамы инсульт. Она в больнице. Мне нужно лететь. Сейчас.

Эва, находившаяся чуть поодаль, наблюдала за ними. И вдруг произнесла спокойно, как будто в пустоту:

— Жизнь не предсказуема. Никогда не знаешь, что случится в следующий момент.

Дэйн кинул быстрый взгляд в её сторону. Эти слова обдали его как кипятком.

Он ничего не ответил. Помог Кэтрин спуститься с крыльца, открыл дверь машины, усадил на переднее сиденье. Перед тем как захлопнуть дверь, он обернулся.

Эва стояла на крыльце в свете фонарей — прямая, расслабленная. Взгляд, в котором не было ни вопроса, ни ответа. Она не кивнула, не улыбнулась. Просто смотрела на него.

Дэйн замер на секунду.

Он слышал эти слова сотни раз. Банальность, которую все повторяют, но никто по-настоящему не слышит. Из её уст прозвучала так, будто он услышал это впервые.

Он сел в машину и захлопнул дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.